

“И АВГУСТ С ЛИКОМ САТАНЫ С ТЕХ ПОР ЕЙ БУДЕТ СПУТНИК ВЕРНЫЙ”

Анна и брат Виктор Горенко.

Жила на Земле семья — 8 человек:
Мать — Инна Эразмовна Стогова (1856—1930);
Отец — Андрей Антонович Горенко (1848—1915);
Дети:
Инна (1883—1905);
Андрей (1886—1920);
Ирина (1888—1892);
Анна (1889—1966);
Ия (1894—1922);
Виктор (1896—1979).

Разорвали семью судьба и злые люди, но сердца их все равно были связаны накрепко. “Все души милых на высоких звездах. Как хорошо, что некого терять...”
Одна девочка умерла маленькой, две сестры умерли от чахотки совсем молодыми.
Старший сын покончил с собой после смерти своего ребенка.
Самый младший — Виктор — оказался в Америке, в Нью-Йорке, в Бруклине.
Четвертая сестра — Анна, великая АННА, “статная, с прекрасным лицом”, — это Анна Андреевна Ахматова.
“Для того ль тебя носила Я когда-то на руках, Для того ль сила сила В голубых твоих глазах! Вырос стройный и высокий, Песни пел, мадеру пил,

— Виктор Андреевич, когда вы впервые поняли, что ваша сестра пишет стихи?

— Когда она жила в Царском Селе. Там же жил и наш старший брат. Он на девять с половиной лет был старше меня. Однажды он пришел домой, и с ним пришел Николай Гумилев. Гумилев очень интересовался моей сестрой.

— В каком году это было?
— В 1904-м. Мне было семь лет. Гумилев был человеком большого таланта. И был джентльменом. А моя сестра... видите ли, вою-круг нею всегда было трое или четверо молодых людей, которые приглашали ее на танцы.
— Она пользовалась популярностью у молодых людей?
— Она унаследовала кое-что от нашего отца. Мой отец всегда был без денег, потому что он был ужасный транжира и мот. Если он видел хорошенькую даму, он обязательно узнавал ее имя и приглашал в очень дорогой ресторан.

Из письма Анны Андреевны 1907 года: “Уважаю отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться”.

— Вы можете вспомнить какую-нибудь их ссору?
— Может быть, отец считал, что Анна слишком современна и независима. Я помню, однажды она попросила у отца денег оплатить ее новую одежду. Отец отказал ей. Она ничего не сказала, но у нее началась истерика.
— К кому она была ближе, к матери или к отцу?
— Я думаю, к обоим одинаково.
— Как в семье относились к ее стихам?
— Нам нравилось.

Лидия Чуковская. Из книги “Записки об Анне Ахматовой”. “Я спросила, кто придумал ей псевдоним.”

— Никто, конечно. Никто мною тогда не занимался. Я была овца без пастуха. И только семнадцатилетняя шальная девчонка могла выбрать татарскую фамилию для русской поэтессы. Это фамилия последних татарских князей из Орды. Мне потому пришлось на юм взять псевдоним, что папа, узнав о моих стихах, сказал: “Не срами мое имя!” “И не надо мне твоего имени!” — сказала я.”

— В семье ее поощряли писать стихи?
— Да. Но после того, как она вышла замуж за Гумилева, она ушла от нас.
— Но она ведь писала и до этого?
— Да, она начала писать стихи, когда ей было 13 лет.

Лидия Чуковская: “Я спросила у нее, с какого возраста она пишет. — С 11 лет... Боже, какие позорно плохие стихи я писала! Я недавно перечитывала, хотела что-нибудь оставить на память. Нет, ничего нельзя. Все позор. Все — не мое, а чужое, общее — то, что писали тогда третьестепенные, четверостепенные авторы”.

— Был ли кто-нибудь из членов вашей семьи на свадьбе Анны и Николая? Был ли это скромный семейный обед или пышная свадьба?
— Я не был, я был слишком мал, но остальные члены семьи были.

Из письма Анны Андреевны 1906—1907 годов: “Я выхожу замуж за друга моей юности — Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба — быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю...”

“Я отправлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! (К Владимиру Викторовичу Голенищеву-Кутузову. — Р. К.) Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей”. “...напишите мне, пожалуйста, будет ли Кутузов на Рождество в Петербурге? Если нет, то я остаюсь со спокойной душой, но если он никуда не едет, то я поеду. От мысли, что эта поездка может не состояться, я заболела, у меня жар, сердцебиение, невыносимые головные боли”. И далее в этом же письме: “...говорил ли вам Андрей, как я в Египетской вальсаше и гвоздь выколчил из известковой стенки. Мама плакала, мне было стыдно — вообще скверно”.

К Анатолии далекой Миноносц свой водил. На Малаховом Кургане Офицера расстреляли. Без недели двадцать лет Он глядел на Божий свет”.

Но его не расстреляли, он уцелел в лавине Первой мировой войны — Виктор Андреевич Горенко. Прошел “русские эмиграции” и изгнание, лихую долю беженца и тяжкие годы в чужой стране.

Давайте послушаем голоса, дошедшие до нас — в письмах, стихах, воспоминаниях.
Интервью с Виктором Горенко было взято в конце 1973 года и опубликовано в 1974 году в журнале “Russian Literature Triquarterly”. Более поздняя публикация интервью на английском — книга “Анна Ахматова: Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография”. Составитель Э. Проффер, изд. Ардис, 1977. (В этой же книге опубликованы письма Анны Андреевны к мужу ее старшей сестры Инны, к тому времени уже умершей.)
Интервью очень сумбурное. Человек захлебывается в своих чувствах, перекачивает с одного на другое, отвечает не на вопрос, а на какие-то свои, глубинные мысли. И тем не менее... это говорит родной брат Анны Ахматовой, и уже одним этим интервью ценно для нас. Перевод этого интервью на русский ранее опубликован не был. Мы приводим его с сокращениями.

“Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне — я так безумно счастлива. Он пишет мне непонятные слова, и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснения. Всякий раз, как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предостережениями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недоумение. Это от остроты моего характера, не иначе. Он так любит меня, что даже страшно”.

— Был ли отец на свадьбе?
— Нет, он был в это время в Санкт-Петербурге, а венчание было в Киеве.
— Что вы можете еще вспомнить об отце?
— Такие, как он, встречаются один на миллион. Я уже говорил, что он был ужасный транжира и любил хорошеньких дам.
— Он был военным инженером?
— Он начинал свою карьеру на флоте и потом был одним из лекторов в Морской академии.
— По какой причине он приехал в Петербург?
— Он был дружен с лейтенантом Никитенко, а тот был специалистом по взрывам. Никитенко изготовил бомбу и передал революционерам, которые намеревались убить кого-то из царской семьи. Лейтенант Никитенко был схвачен жандармами и заключен в Петропавловскую крепость. Шеф жандармов вызвал к себе моего отца и спросил его: “Вы были дружны с лейтенантом Никитенко?” Отец ответил: “Да”. И после этого шеф жандармов сообщил в Морскую академию об этой сомнительной дружбе, и отца уволили без всякого выходного пособия. Это было задолго до моего рождения. Затем отца пригласили на государственную службу в Департамент контроля. Он имел хорошее жалование и стал очень обеспеченным человеком. Поэтому мы могли жить в Царском Селе.

— Что вы еще можете рассказать о вашей семье?
— У меня были сестры: Инна, Анна, Ия и брат Андрей. Но мой отец увлеклся многими дамами. Была одна дама — вдова адмирала Страннолюбского Елена. Она считала отца просто своей собственностью. Она окончила Оксфордский университет, что было редкостью в то время. В 1905 году, когда отец вышел в отставку, она решила судьбу нашей семьи.
Она сказала отцу: “Отправь всю семью в Крым, там лучший климат для них, а сам оставайся здесь”. Так он и сделал. Поэтому мы оказались в Севастополе, затем в Царском Селе. И только потом семья переехала в Киев.

Когда мне было 14 лет, я начал делать деньги. Я хотел иметь много денег, а моя мать ненавидела людей, которые копили деньги. Поэтому вся моя семья и брат Андрей решили избавиться от меня.
— Что вы можете рассказать об Анне Андреевне?
— Анна Андреевна жила в эти годы в Царском Селе, а мы жили в Киеве. Когда мне было 15 лет (это был 1911 год, А. А. было уже 22 года. — Р. К.), они мне дали 15 рублей, проводили на станцию, купили билет и сказали: “Езжай к отцу на пару дней”. На пару дней, видите ли. Когда я приехал, отец жил с госпожой Страннолюбской. Она отнеслась ко мне более или менее по-дружески и предложила поступать в Морскую академию. Поступить туда было очень трудно, было только 8 вакантных мест. Я поступил, и вместе со мной поступил граф Толстой, внук Льва Николаевича, а спал я на той же койке, которую занимал за годы до того Римский-Корсаков. В академии я выучил английский, который потом стал моим родным языком.

— Какое образование получила Анна Андреевна?
— Она окончила школу, а потом факультет правоведения в Киевском университете.
— Интересовались ли литературой в вашей семье? Читал ли кто-нибудь особенно много?
— В семье все много читали, но, кроме Анны, никто не писал. В Царском Селе жил Иннокентий Анненский. Он был очень талантливым человеком и джентльменом. От Анненского и Гумилева она восприняла эту страсть писать стихи.

Лидия Чуковская: “Я рассказала, что читаю Люшеньке (докупили билет и сказали: “Езжай к отцу на пару дней”). На пару дней, видите ли. Когда я приехал, отец жил с госпожой Страннолюбской. Она отнеслась ко мне более или менее по-дружески и предложила поступать в Морскую академию. Поступить туда было очень трудно, было только 8 вакантных мест. Я поступил, и вместе со мной поступил граф Толстой, внук Льва Николаевича, а спал я на той же койке, которую занимал за годы до того Римский-Корсаков. В академии я выучил английский, который потом стал моим родным языком.”

— Какое образование получила Анна Андреевна?
— Она окончила школу, а потом факультет правоведения в Киевском университете.
— Интересовались ли литературой в вашей семье? Читал ли кто-нибудь особенно много?
— В семье все много читали, но, кроме Анны, никто не писал. В Царском Селе жил Иннокентий Анненский. Он был очень талантливым человеком и джентльменом. От Анненского и Гумилева она восприняла эту страсть писать стихи.

Лидия Чуковская: “Я рассказала, что читаю Люшеньке (докупили билет и сказали: “Езжай к отцу на пару дней”). На пару дней, видите ли. Когда я приехал, отец жил с госпожой Страннолюбской. Она отнеслась ко мне более или менее по-дружески и предложила поступать в Морскую академию. Поступить туда было очень трудно, было только 8 вакантных мест. Я поступил, и вместе со мной поступил граф Толстой, внук Льва Николаевича, а спал я на той же койке, которую занимал за годы до того Римский-Корсаков. В академии я выучил английский, который потом стал моим родным языком.”

Лидия Чуковская: “Я рассказала, что читаю Люшеньке (докупили билет и сказали: “Езжай к отцу на пару дней”). На пару дней, видите ли. Когда я приехал, отец жил с госпожой Страннолюбской. Она отнеслась ко мне более или менее по-дружески и предложила поступать в Морскую академию. Поступить туда было очень трудно, было только 8 вакантных мест. Я поступил, и вместе со мной поступил граф Толстой, внук Льва Николаевича, а спал я на той же койке, которую занимал за годы до того Римский-Корсаков. В академии я выучил английский, который потом стал моим родным языком.”

чери Л. К.) “Русских женщин” и она плачет. — Я в детстве их сама нашла, — отозвалась Анна Андреевна. — Мне никто никогда ничего не читал, не до меня было. Некрасов — единственная в доме книга, больше ни одной.

— Расскажите немного о вашей матери.

— После смерти своего отца она поехала в Петербург и поступила на Бестужевские курсы. Это было самое популярное учебное заведение для молодых девушек. Примерно в 1880 году дае ее сокурсницы сказали ей, что им нужно 2200 рублей, чтобы совершить террористический акт и убить царя. И она дала им эти деньги. Да, она пошла в банк и сняла их со своего счета. И это не было секретом, она сама рассказывала мне об этом слухе.

Лидия Чуковская: “...Мама совсем ничего не умела в жизни... из старой дворянской семьи, а уехала на Курсы. Как она собиралась жить — непонятно.”

...Не только на Курсы, она стала членом народолюбческого кружка. Уж куда революционернее.

...Она показала мне группу: гимназисты, и среди них сестра ее Ия. Красавица, лицо греческой императрицы. Похожа на Анну Андреевну. Потом фотографии отца, матери — никакого сходства с дочерьми. У матери лицо простоватое. Потом карточка молодого человека — тонкого, черноглазого, со ртом Анны Андреевны, — брат”.

— Вы говорили, что ваша матушка не навидела деньги. А что она любила?

— Определенно сказать очень трудно.
— Была ли она религиозной?
— Немного да, пожалуй. Но в то же время она была очень революционной женщиной.

— Какая девичья фамилия была у вашей матери?

— Ее фамилия была Стогова. Если вы хотите, я могу рассказать о ее семье. Ее отец, Эразм Иванович Стогов, закончил Морскую академию и совершил кругосветное путешествие. Однажды, это было во Владивостоке, он сидел днем в кафе и услышал разговор двух посетителей за соседним столиком. “Ты

Виктор Горенко в Нью-Йорке.

знаешь, — сказал один, — за шкуру камчатского соболя в Лондоне дают 50 золотых sovereignов”. Это произвело огромное впечатление на моего деда. И когда он услышал, что Морской департамент хочет открыть факторию в Петропавловске-на-Камчатке, он сам вылезал туда поехать. На Камчатке он начал скучать шкуру соболей и отсылать их в Санкт-Петербург. Он прожил на Камчатке двадцать лет, сильно разбогател, а когда вышел в отставку, переехал сперва в Петербург, а затем в Киев. Он женился на девушке из семьи Мотовиловых. У него было пять дочерей, одна из них стала моей матерью. Он купил много земли, сахарных заводов и стал одним из богатейших людей на Украине. Но всю жизнь был скрягой, никогда не давал денег своим дочерям. Когда умерла его жена, моя бабушка, он выписал из Лондона гувернантку, которой дал полное право наказывать дочерей и брать их розгами.

— Вернемся ко времени перед революцией, когда Гумилев и Анна были вместе. Что вы знаете об этом времени?
— Они были в Париже со студентами Сорбонны и другими, например с Модильяни. Модильяни не был студентом, но принадлежал к их компании. Это была веселая компания, они проводили все время в кафе на Елисейских полях и пили вино, если у них были деньги. Да и Модильяни с ними, если кто-нибудь покупал его картины, он был счастлив и покупал на всех пару бутылочек коньяка.

— Нормальное времяпрепровождение для молодых людей, не правда ли?
— Да. Моя сестра... она... Когда Гумилев не было там, то Модильяни... ну да вы сами знаете.

— Как вы думаете, были ли у Гумилева после женитьбы увлечения?
— Гумилев был очень красив, я любил его. Он часто сорвался с моей сестрой. Но я не могу сказать, что он бегал за каждой женщиной на улице.

Лидия Чуковская: “Мы жили с Николаем Степановичем семь лет. Мы были дружны и внутренне многим обязаны друг другу. Но я сказала ему, что нам надо расстаться. Он ничего не возражал мне, однако я видела, что он очень обиделся. ...Тогда он только что вернулся из Парижа после своей неудачной любви к Си-ней Звезде. А он был полон ею — и все-таки мое желание расстаться с ним уязвило его... Я нахожу, что мы слишком долго были женихом и невестой. Я в Севастополе, он в Париже. Когда мы поженились, в 10-м году, он уже утратил свой пафос”.

— Вы знаете что-нибудь о том времени, когда Недоброво приехал в Крым к Анне?

— Он ушел от своей жены и приехал к Анне. Я сказал сестре, что это не очень хорошо.

— Вы помните что-нибудь о Льве — сыне Гумилева и Анны?
— Когда родился их сын, Гумилев и Анна были очень счастливы. Анна была хорошей матерью, а Гумилев — хорошим отцом.

Информация: 22 октября 1935 года были арестованы как участники “антисоветской террористической группы” профессор Всероссийской академии художеств Н. Н. Пунин (в то время муж Анны Андреевны) и студент исторического факультета Ленинградского государственного университета Лев Гумилев (сын Анны Андреевны). Однако после письма, которое Анна Андреевна удалось передать Сталину, 4 ноября 1935 года Пунин, и Лев были освобождены из-под стражи. А 10 марта 1938 года Лев Гумилев был арестован вторично. Среди обви-

нений, предъявленных Льву, было и такое: мать якобы подговаривала его убить Жданова — в отместку за расстрелянного отца.

В августе 1939 года Лев Гумилев был сослан в лагерь.

В 1944-м — отправлен из Туруханского края на фронт, а в 1949-м — арестован вновь.

Был освобожден только 14 мая 1956 года.

“Перед этим горем гнутся горы, Не течет великая река, Но крепки тюремные затворы, А за ними “каторжные норы” И смертельная тоска...”

“Семнадцать месяцев кричу, Зову тебя домой, Кидалась в ноги палачу, Ты сын и ужас мой. Все перепуталось навек, И мне не разобрать, Теперь, кто зверь, кто человек, И долго ль казни ждать...”

“...Эта женщина больна, Эта женщина одна. Муж в могиле, сын в тюрьме, Помолитесь обо мне”.

(Из “Реквиема”.) Лидия Чуковская: “...в городе распространились слухи, будто когда Н.Н. Пунин и Лева были арестованы, Анна Андреевна написала письмо Сталину, передала его в Кутафью башню в Кремле и обоев выпустили. Я пошла узнать, что она написала. Лева в это время был уже арестован опять, а Н.Н. на свободе. Я спросила. Ровным голосом, глядя на меня светло и прямо, она прочла мне все наизусть, целиком. Анна Андреевна процитировала мне уже второе письмо к Сталину, письмо не 35-го, а 38-го года, то, которое уже не оказало действия. Слухи же о Кутафьей башне и магическом спасении заключенных были запоздалыми вестями о ее письме 35-го года”.

— Вы что-нибудь знаете о смерти Гумилева?

— Я знаю только то, что говорили в среде американцев, интересующихся русской литературой, — они поставили Гумилева к стенке и расстреляли. Говорили, что он был монархистом, но он никогда им не был. Я хорошо его знал, хотя он был на 10 лет старше меня. Здесь, в Калифорнии, живет Глеб Струве, который написал книгу о Гумилеве, и Филлипов, так вот они утверждают, что Гумилев был монархистом. Это очень глупое утверждение, а люди повторяют его, как попугаи. Семья у Гумилева была очень хорошая, и они сильно пострадали в революцию. Когда я прочел в газете о том, что произошло с Гумилевым, — это было ужасно.

“Он любил три вещи на свете: За вечерней пенью, белых павлинов И стертые карты Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чай с малиной И женской истерики. ...А я была его женой”.

(9 ноября 1910) “Так просто можно жизнь покинуть эту, Бездумно и безбольно догореть. Но не дано российскому поэту Такою светлой смертью умереть. Всего верней свиноей душе Крылатой Небесные откроешь рубежи, Иль крыльями улетай косякостой Из сердца, как из губки, Выжмет жизнь”.

(1925) — Что делали ваши сестры после революции?
— Ия умерла в 1922 году от голода и туберкулеза. Ведь Ленин сказал — кто не работает, тот не ест, а она не могла работать. Анна осталась в Петрограде и работала в библиотеке Агрономического института.

— А ваша мать?
— После смерти отца она получала пенсию 157 рублей.
— И она жила на эти деньги?
— Да. Как она страдала! Когда она стала жить со мной на Сахалине, она выглядела девятилетней старухой.

— Как вы оказались на Сахалине?
— Я помнил, что рассказывал мне дед, и знал, что если я смогу приобрести несколько соболиных шкур и перепродать их, то я смогу уехать, куда я захочу. Когда большевики захватили власть в свои руки, я был молодым офицером Черноморского флота. Я понимал, что в Севастополе оставаться нельзя, и я помял историю жизни деда, Эразма Ивановича Стогова. Поэтому я сразу же уехал на Сахалин. Я знал, что царское правительство ссылает на Сахалин грабителей и убийц, но двадцати одного года отроду я должен был выбирать — 4К или Сахалин. Когда я заработал немного денег и построил свой дом, я послал матери денег, и она переехала ко мне. В конце 1925 года большевики начали производить аресты на Сахалине, и к 1929 году я понял, что мне нужно бежать.

— Куда?
— В Китай. Из одной неподходящей страны в другую — такую же неподходящую. Но я прожил там много лет.

— В Шанхае?
— Да. Я был вторым помощником капитана на Британском торговом судне. Я жил в Китае, чтобы заработать денег и убежать куда-нибудь подальше.

— Как вы зарабатывали деньги? Продажей мехов?
— Нет, я работал в торговом флоте, чтобы скопить деньги. Наконец, 8 января 1947 года, почти через 20 лет после приезда, я стоял на палубе корабля “Генерал Гордон” и мысленно командовал: “Отдать швартовые!” Корабль медленно двинулся вниз по реке и больше никогда в жизни я не был в Шанхае.

— В каком окружении вы жили? Среди русских, англичан?
— В Шанхае было 55 тысяч жителей и было много евреев. Через несколько дней после Пирл-Харбора их всех объявили английскими, американскими или голландскими подданными и заключили в лагерь для перемещенных лиц. А мы, мы были нейтральными, и Япония не интересовалась нас.

— Вы из Шанхая попали прямо в Нью-Йорк?
— Нет. Я прибыл в Сан-Франциско. У меня в Ванкувере были друзья, я прожил там несколько недель, а затем переехал в Сиэтл. Тем самым для иммиграционных властей я был иммигрантом не из Китая, а из Канады. В течение 9 лет они пытались выслать меня из страны, но, когда я женился на Екатерине, я стал натурализованным гражданином.

— Вы работали на Уолл-Стристе?
— Да. Я познакомился с Бернхардом Барухом и купил немного акций. Зарплата у меня была маленькая, но другую работу я не мог найти.

— Знала ли Анна, что вы живете в Штатах?
— Для моей дорогой сестры было большой неожиданностью найти меня живым после стольких лет, но, чтобы не разгневать строителя социализма, она решила не отвечать на мои письма. Она закамелела, словно стена.

Лидия Чуковская: “На мосту А. А. сказала мне: — Август — у меня всегда страшный месяц... всю жизнь”.

Брат Андрей.

Информация: 5 августа 1918 г. — официальный развод с Н. С. Гумилевым. 18 августа 1918 г. — вышла замуж за В. К. Шилейко. 8 августа 1921 г. — умер А. Блок, поэт, духовно близкий А. А. 25 августа 1925 г. — расстрелян Николай Гумилев.

Август 1938 г. — разрыв с Н. Н. Пуниным, третьим мужем, с которым А. А. прожила 16 лет. Август 1939 г. — сына Льва ссылают на север в лагерь. Август 1940 г. — властьпредержащие отказывают в долговой квартире. 14 августа 1946 г. — подло-знаменитое “ждановское” Постановление, шельмующее Анну Ахматову и Михаила Зощенко, и вслед за Постановлением — волна гнусных собраний, на которых впервые были произнесены фразы типа: “Мы не знаем ее творчества, но считаем...”

Август 1954 г. — на ходатайство на имя Ворошилова об освобождении из лагерей сына А. А. получила из Прокуратуры СССР ответ: “...для пересмотра приговора Льву Гумилеву нет никаких оснований”.

— А вы уверены, что до нее доходили ваши письма?
— Да, мне об этом говорил Илья Эренбург.

— Может быть, она боялась за судьбу своего сына, Льва Гумилева?
— Да, она поссорилась с ним, и несколько лет он не хотел видеть ее. Из всей семьи Гумилевых в живых остался только Лев, а из семьи Горенко — я и сестра Анна. Поэтому я и пытался в течение 10 лет наладить переписку. Когда из этого ничего не вышло, я в отчаянии проделал такой трюк. Я знал, что евреи всегда любят свою родину. Поэтому я написал обо всем Илье Эренбургу. Он поговорил с Анной, и она начала отвечать на мои письма.

— Вы видите, я всегда любил свою сестру, но я совсем не уверен, что она любила меня. Конечно, нужно принять во внимание, что она жила в страшной бедности. Я думаю, что, если бы она была мужчиной, они бы и ее поставили к стенке и расстреляли. Я это понимаю, но все же она за 10 лет не ответила ни на одно мое письмо. И подарки, которые я ей посылал, например, через Дмитрия Шостаковича, она отказывалась брать.

Письмо Анны Андреевны: Милый Виктор, Чувствую себя виноватой перед тобой. Я своевременно получила и твою фотографию, за которую я тебя благодарю, и чудесные нейлоновые чулки. Но мои постоянные переезды из Москвы в Ленинград и из Ленинграда в Москву, а еще больше тяжелейшая сердечная болезнь и длительное пребывание в больнице — у меня было уже три инфаркта — нарушают нормальное течение моей жизни. О себе мне почти ничего тебе сообщить. Я немного перевожу, в настоящее время — румын, и занимаюсь Пушкиным. Еще раз благодарю тебя, что не забыл сестру.

Твоя Анна. 7 июня 1963, Москва.

Телеграмма: Victor Gorenko, 1431 Madison Ave., New York, June 10, 1965. Буду жить неделю в Президент Рузвельт отеле, Лондон. Телеграфируй или позвони мне. Сестра Анна.

Письмо Анны Андреевны брату: 1 декабря 1964, Москва. Милый Виктор, Случилось так, что потеряла твой адрес и вовремя не ответила тебе, чтобы поблагодарить за твой великолепный подарок — черное кимоно. Я ношу его с особым удовольствием. Сегодня еду в Рим и на Сицилию, где мне вручат премию за стихи. (В 1964 году Анна Андреевна вручила в Италии международную поэтическую премию “Этна Таормино”. — Р. К.) Командировка всего 10 дней. Я, конечно, в большой тревоге, — выдержи ли мое здоровье. Посылаю тебе мою последнюю фотографию, она лучше всех остальных. Передай мой привет твоей жене. Целую тебя.

Всегда твоя Анна.

Телеграмма: Victor Gorenko, 1820 Brooklyn Ave., Brooklyn, February 1, 1966. Анна Андреевна уже три месяца находится в госпитале в очень плохом состоянии. Болезнь сердца.

Друзья.

“Какой в ней живет высокий дух, с каким могуществом она превращает в чистое золото битые черепки, подсовываемые ей жизнью” (Лидия Корнеевна Чуковская).

“Нет, это не я, это кто-то другой страдает, Я бы так не могла, а то, что случилось, Пусть черные сукна покроют, И пусть унесут фонари... Ночь.”

Голоса умолкают. Отступают тени. Раиса Каминская.

“None”